
НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

УДК 1(091)

НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА В СИСТЕМЕ ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЙ НАУКИ

Ю. И. Борсяков

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 25 августа 2025 г.

Аннотация: обсуждение феномена научной картины мира никогда не прекращалось на страницах философских журналов, посвященных вопросам теории познания. Однако специальные логико-гносеологические исследования смысла и значения этого понятия широко развернулись в отечественной философской литературе относительно недавно. Научная картина мира является самостоятельным компонентом в структуре оснований научного знания и выполняет роль важного связующего звена между обыденным мировоззренческим и теоретическим научным знанием. В статье рассматривается специфика включения человека как смыслообразующего элемента в систему научной картины мира.

Ключевые слова: научная картина мира, философские основания науки, методология, субъект познания, человек, научная рациональность, мировоззрение.

Abstract: the discussion of the phenomenon of the scientific picture of the world has never ceased on the pages of philosophical journals, which studied issues of the theory of knowledge. However, special logical and epistemological studies of the meaning and significance of this concept have been widely developed in Russian philosophical literature relatively recently. Scientific picture of the world is an independent component in the structure of the foundations of scientific knowledge and plays the role of an important link between everyday worldview and theoretical scientific knowledge. The article examines the specifics of including a person as a meaning-forming element in the system of the scientific picture of the world.

Key words: scientific picture of the world, philosophical foundations of science, methodology, subject of knowledge, man, scientific rationality, worldview.

В системе оснований науки вместе с идеалами научного исследования выявляется еще один структурный элемент – научная картина мира. Как известно, основания науки осуществляют связь между научным и философским знанием. «Одной из широко дискутировавшихся в философии науки XIX в. и XX в. проблем, так и не получившей разрешения в дискуссии между позитивистами и их оппонентами, является вопрос о статусе философских оснований науки в структуре научного знания. Главный пункт разногласий: включать или не включать философские основания науки в структуру научного знания» [1, с. 139]. Сегодня большинство исследователей разделяют мнение о том, что напрямую они не входят в философское или научное знание, а по своей значимости формируют некий пограничный слой. Основания науки определяют парадигмы, принципы и идеи, а также структуру научной картины мира, проясняют механизм вклю-

чения научного знания в социокультурную реальность. Философские основания науки нельзя отождествлять с самим философским знанием. Из всего объема философских проблем и подходов ее решений, рождающихся в социокультурном контексте исторической эпохи, ученые отбирают в качестве определяющих структур фундаментальные принципы и основополагающие идеи, которые формируют научную картину мира.

Понятия «картина мира», «научная картина мира» стали активно использоваться в исследованиях по философским проблемам естествознания с конца XIX – начала XX в. Природу естественно-научной картины мира исследовали Г. Герц, Л. Больцман, М. Планк, П. Диогем. Мы встречаем это понятие в работах В. И. Ленина, где дан анализ мировоззренческих трудностей, порожденных революционными изменениями в физике, принципиальной ломкой ее основных понятий и оснований.

© Борсяков Ю. И., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under Creative Commons Attribution 4.0 License.

Обсуждение природы научной картины мира никогда не исчезало со страниц философских журналов, в которых изучались вопросы теории познания. Однако специальные логико-гносеологические исследования смысла и значения этого понятия широко развернулись в отечественной философской литературе относительно недавно. В философской литературе логико-гносеологический анализ содержания научной картины мира и ее роли в системе научного знания стал регулярно проводиться с конца 60-х – начала 70-х гг. XX столетия, весьма активно они ведутся и сегодня.

Прежде всего было установлено, что содержание научной картины мира существенно необходимо для построения теорий, глубоко связано с принципами и категориями философии. Однако по вопросам конкретного содержания гносеологических источников, методологических функций и иным моментам возникли значительные разногласия. Происхождение этих разногласий в известной мере связано с тем, что понятие научной картины мира оказалось многомерным и на самом деле необходимо говорить о целом классе научных картин мира различного содержания и, соответственно, функциональной роли в научном познании.

Функции научной картины мира в познании соотносятся с такими функциями философии, как мировоззренческая и методологическая. Через научную картину мира философского содержания происходит влияние общей духовной культуры общества на сферу научного, в том числе естественно-научного познания.

Во второй половине XX в. был поставлен вопрос о роли научной картины мира как связующей структуре между духовной культурой общества и наукой. Развернутый и сложный анализ научной картины мира и ее роли в теории познания представлен в работах Е. Д. Бляхера и Л. М. Волынской. Исследуя систему связей и взаимообусловленностей в познавательной деятельности, они пришли к выводу, что одним из важных каналов, по которому происходит влияние общества на категориальную систему, посредством которой общество устанавливает и описывает естественные процессы, выступает картина мира. По мнению авторов, логика представлений картины мира, происходящая стихийно, «...порождается общими интенциями, выдвигаемыми социумом, и именно поэтому не фиксирует на себе влияние исследователя. Для него выводы, к которым приводит его исследование, приобретают силу здравого смысла» [2, с. 147]. «Здравый смысл» показан в его генезисе, в том числе и через генерализацию представлений той или иной частной теории. Таким путем в форме картины мира социум задает господствующий в науке данного исторического этапа тип рациональности.

Как один из возможных каналов социальной детерминации научного познания исследует картину мира Л. А. Микешина. Особенность картины мира выступать средством интеграции знания связана с ее мировоззренческим содержанием. «Сегодня научная картина мира понимается как одно из оснований научного поиска, картина исследуемой реальности, представленная в особой форме систематизации знания, которая позволяет выявить и интерпретировать предмет науки, ее факты и теоретические схемы, новые исследовательские задачи и способы их решения. Именно через научную картину мира происходит передача фундаментальных идей и принципов из одной науки в другую, она начинает играть всё более важную роль, и не столько как модель мира или его образ, сколько как синтезирующая логическая форма знания, представляющая собой скорее теоретическую концепцию, нежели картину мира в буквальном смысле слова» [3, с. 337].

Программа исследований научной картины мира в социально-культурном контексте рассматривается П. С. Дышлевым и Л. В. Яценко. Необходимость существования научной картины мира в системе культуры они связывают с противоречивым характером освоения природы и специализацией исследовательского труда [4].

В несколько иной аргументации вновь возникает вопрос о различии языка теории и языка научной картины мира. Однако авторы возражают против увеличения роли обыденного языка в формировании научной картины мира. «Картину мира можно рассматривать в качестве некоторой теоретической модели исследуемой реальности. Но это особая модель, отличная от моделей, лежащих в основании конкретных теорий» [5, с. 227].

В философской литературе неоднократно подчеркивается, что научная картина мира является самостоятельным компонентом в структуре оснований научного познания и выполняет роль важного связующего звена между обыденным мировоззренческим и теоретическим научным знанием. С помощью научной картины мира в науку вводятся представления о структуре исследуемой реальности, и, таким образом, происходит обратная связь: научная картина мира указывает, какие области науки имеют сходные объекты исследования, помогает изучению объективного мира.

Трудности типологии научных картин мира состоят в том, что каждая картина мира проникает в неявное личностное знание исследователя, объединяется с его интуитивными представлениями. Для преодоления этих трудностей выдвигаются следующие принципы: 1) разработка типологии не должна быть самоцелью – ее смысл понятен лишь в контексте анализа философско-методологических аспектов

развития науки; 2) построение типологии должно вытекать из доказательного анализа конкретного материала познавательной деятельности, в частности текстов за счет «реконструкции этапов развития науки»; 3) необходима тщательная экспликация используемых понятий в рамках определенной концепции структуры и развития научного знания; 4) должен раскрываться способ реконструкции используемых в типологии понятий картины мира.

В исследовательской деятельности существуют три аспекта роли научной картины мира: 1) опосредованное действие философских и мировоззренческих факторов на конкретные отрасли науки, обеспечивающие объективизацию знаний и их включение в культуру; 2) систематизация и синтез частнонаучных знаний; 3) функционирование в качестве исследовательской программы.

Каждый из этих аспектов «научной картины мира на разных этапах функционирования науки испытывал воздействие мировоззренческих структур и вместе с тем вносил свой вклад в их формирование и развитие» [6, с. 198]. Связи с мировоззренческими структурами эпохи и включение в культуру обеспечивают онтологический характер научной картины мира. На данных представлениях основывается исследование эвристических функций научной картины мира в ситуациях эмпирического и теоретического поиска. В эмпирическом поиске ведущая роль принадлежит частным картинам мира: они обуславливают направленность познавательной активности исследователей на получение результатов, теоретическое обоснование которых еще предстоит выполнить. В теоретическом поиске частнонаучные картины мира «определяют», откуда можно заимствовать теоретические объекты и структуры, объединение которых приводит к формированию моделей новой области знания, затем теоретических схем и законов («ядра» теории) и, наконец, самой теории. «Картина мира всегда характеризуется большей широтой охвата изучаемых явлений, чем любая отдельно взятая теория. Поэтому на одну и ту же картину мира может отображаться несколько теоретических схем, составляющих ядро различных теорий, в том числе и фундаментальных» [там же, с. 225]. В свою очередь, «картины реальности, развивающиеся в отдельных научных дисциплинах, не являются изолированными друг от друга. Они взаимодействуют между собой. В связи с этим возникает вопрос: существуют ли более широкие горизонты систематизации знаний, формы их систематизации, интегративные по отношению к специальным картинам реальности (дисциплинарным онтологиям)? В методологических исследованиях такие формы уже зафиксированы и описаны. К ним относится общая научная картина мира, которая выступает особой формой теоретического

знания» [там же, с. 227]. Общенаучная картина мира выполняет решающую роль при переносе представлений об исследуемой реальности из одной научной дисциплины в другую. Она понимается как исследовательская программа, направляющая научный поиск.

В исследовании Л. Ф. Кузнецовой [7] обосновывается статус научной картины мира как категории методологии науки. На конкретном историко-научном анализе выявляются ее функции в эмпирическом и теоретическом исследовании, рассматриваются механизмы ее развития в процессе взаимодействия научных дисциплин. Научная картина мира – это особое мысленное образование, занимающее промежуточное положение между философией и мировоззрением, с одной стороны, и специальными научными теориями – с другой.

Можно выделить три основных аспекта функционирования научной картины мира в современной литературе. Во-первых, научная картина – это реальность, существование которой зависит от системы знаний, и, существуя как некоторый образ мира, она является проявлением духовно-практической деятельности познающего субъекта. Такое проявление двойственно, так как картина мира существует в объективированной (язык, следы практической деятельности и т. п.) и необъективированной (сознание, цель, установка и т. п.) формах. Если научная картина мира не объективирована, то это значит, что, принадлежа миру идеальному, она потенциально «существует» во всех образованиях (в том числе и моделях), но полностью в них не выражается. Следовательно, степень опредмеченности картины мира зависит от субъективных установок, целей, мотивов жизнедеятельности человека познающего, регулятивных структур и смыслообразующих факторов. Научная картина мира опирается на научные формы рациональности, но она не может быть сведена к редуцированному образу мира, формирующемуся в одной из специализированных отраслей знаний.

Научная картина мира проявляется в виде целостного образа мира, сформированного при участии всех структур сознания: дотеоретического (обыденного), теоретического (научного и философского), внетеоретического (религиозно-мифологического, художественного) знания, что и должно отражаться на научных образах мира.

Во-вторых, картина мира понимается как синтез знаний, задающий его композиционное строение, обуславливающий соотношение главных и второстепенных элементов, т. е. архитектонику. Знание в отличие от всех иных способов отражения мира предполагает сознание, т. е. осознание человеком реальности такой, какой она существует сама по себе, и образа этой реальности. Особенность научной картины мира в том, что она претендует на образ мира

такой, какой он есть сам по себе, отражает объективную реальность в понятиях и идеях, свойственных данному этапу развития научного знания. Но знание – это продукт научной деятельности, в котором познающий субъект полностью раствориться не может, в каком бы виде это знание ни выступало. Следовательно, научная картина мира, взятая сама по себе, в отрыве от человеческой деятельности не может быть субъектом своих собственных изменений.

В-третьих, картина мира созидается в результате двух разных процедур: в процессе опредмечивания, объективирования образа мира, лежащих в основе жизнедеятельности человека, и в процессе осмысливания и рефлексии над образом мира. В первом случае имеет место конструкция картины мира по ее следам в практической деятельности, во втором происходит создание картины мира как некоторой ценностно-познавательной конструкции. Эти процедуры имеют противоположный характер направленности: в первом – от мира к картине мира, во втором – от картины мира к познаваемому объекту, к самому миру. Представляется, что пересечение этих векторов дает возможность прояснить творческую природу сознания и показать, что научная картина мира не только отражает мир в сознании, но и выступает элементом креативного мышления. Картина мира рассматривает мир в его целостности и необходима индивиду для повседневной ориентации и жизнедеятельности, и лишь затем – мыследеятельности.

Естественно, что в мировоззрении, в отличие от картины мира, отдается приоритет аксиологическому перед онтологическим, но такое абстрагирование в условиях духовно-практического освоения мира условно, поскольку индивид всегда имеет свободу выбора различных вариантов поведения. При этом предпочтение одних и отказ других неразрывно связаны с выбором самих духовных ориентиров, взглядов, убеждений, с тем, какие идеалы заложены в фундамент мироотношений. Таким образом, научная картина мира, обладающая опосредованной степенью наглядности, существует в научном познании. Однако выражение «картина» не должно трактоваться буквально, в обыденном смысле – этот термин требует уточнения.

Сегодня еще одна не менее важная проблема включения субъекта в познавательные установки научной картины мира широко обсуждается в многочисленных философских дискуссиях. В философской литературе проблема субъект-объектных отношений формулируется в обобщенной форме: как включить человека в систему знаний о природе и не помешать объективному ее познанию? Очевидно, что проблема субъект-объектных отношений в науке решается на гносеологическом уровне. Проблема же социокультурной обусловленности научного знания не только

гносеологическая, но и онтологическая. Как замечает в этой связи В. Гейзенберг, «мы с самого начала находимся в средоточии взаимоотношений природы и человека, и естествознание представляет собой только часть этих отношений, так что общепринятое разделение на субъект и объект, внутренний и внешний мир больше не годится и приводит к затруднениям» [8, с. 92]. При таком подходе вырисовывается иная картина взаимосвязи субъекта и объекта познания. Они предстают не только в чисто «гносеологическом обличии», но и в той реальной системе жизнедеятельности, когда субъектом оказывается человек, а объектом – природа. Специфика этой проблемы заключается в многомерности человека и его отношений к миру, что само по себе ставит под сомнение всякий редукционизм с единым языком науки и предопределяет мозаичность, деление знания.

Хотя приоритет естествознания в изучении человека имеет глубокие исторические корни, между тем разоблачение мифологического, а в дальнейшем и религиозного культа человека (в чем несомненное значение естествознания и точных наук) способствовало формированию и укоренению в общественном сознании другого культа человека-сциентистского. Неправомерно думать, что лишь при помощи естественно-научного метода и эмпирического эксперимента на отдельном индивиде можно изучить природу человеческих отношений, структуру и механизм функционирования целеполагающей жизнедеятельности человека, многогранную структуру его сознания, систему нравственных и эстетических ценностей и гуманистических идеалов. Несмотря на качественное различие естественно-научного и гуманитарного подхода к изучению человека они взаимно дополняют друг друга.

Важнейшим условием создания целостной концепции, которая представила место человека в научной картине мира, является преодоление попыток синкретического соединения знаний естественных, гуманитарных и технических наук. При этом следует четко различать целостность человека как объекта познания и целостность научной концепции человека. Человек как объект познания, существующий независимо от познания, – это всегда живой телесный индивид, и, как таковой, он предстает перед взором исследователя в своей непосредственной эмпирической целостности.

В онтологическом аспекте конкретный единичный индивид воплощает в своем бытии социальное и природное в их нераздельном единстве, но из этого еще не следует, что и гносеологически такие стороны неотделимы друг от друга. Выделение гносеологического аспекта проблемы человека, позволяющее очертить предмет каждой из дисциплин, изучающих человека, не ведет к дуализму его сущности, раздро-

блению действительно живого человека на части, представляет собой первую необходимую предпосылку на пути к целостной науке о человеке. В настоящее время наблюдаются два уровня включения человека в структуру научной картины мира: естественно-научный и философский. Причем первый из этих уровней разработан более детально и широко представлен научным сообществом в так называемом антропном космологическом принципе.

Что касается философского или мировоззренческого уровня включения человека в систему научной картины мира, то обсуждение осуществляется уже не в русле принципа развития, а в рамках принципа единства мира. Здесь следует вводить социально-историческую канву исследования проблемы, в границах которой человек включается в картину мира не в виде следствия, результата развития материи, а как ее исходная составляющая.

Как уже упоминалось, при включении человека – непосредственного «носителя» общественно-исторической практики в предметную область научной картины мира – следует учитывать два уровня его включения. Сложность состоит в том, что при мировоззренческом анализе научного знания следует учитывать не только субъект-объектные отношения, т. е. такие взаимосвязи человека, как субъекта познания, но и связи онтологические, которые выявили бы его отношение не только к природе, но и к обществу, а тем самым и к миру в целом.

Действительно, человек включается в структуру научной картины мира опосредованно, через исследование средств и приемов научного познания. Однако эта методологическая процедура не просто логико-гносеологическая абстракция по отношению к конкретному содержанию исследуемого материала. Такой подход полагает, что объект постигается в прямой соотнесенности с тем, «что нужно человеку». В нем действует широкая система духовно-практических ориентаций в мире: нравственных, эстетических, ценностных, весь комплекс социокультурного знания, учет которого создает условия для более полного включения практики, а следовательно, и человека в самоопределении научного сознания. В этом случае человек включается в научную картину мира как необходимый теоретический и смыслобразующий элемент. Последнее обстоятельство, хотя и представляет наибольшую трудность с методологической точки зрения, тем не менее должно учитываться при построении современной модели научного знания. Как известно, классический тип научной рациональности стремился эlimинировать всё, что относится к субъекту и средствам его деятельности. Такая установка рассматривалась как необходимое условие получения объективно-истинного знания о мире.

Необходимость критического осмыслиения классической теории познания является на сегодняшний момент актуальной проблемой научно-философской мысли. В этом отношении наибольшей критике подвергается теория отражения. Вместе с тем отмечается, что критическому анализу с научных позиций необходимо подвергнуть не собственно теорию отражения, а ее вульгаризированную форму, обусловленную идеолого-догматическими установками. Другим аспектом отечественного научно-философского осмыслиния теории познания является необходимость рассмотрения различных познавательных практик на «равных правах». Конечной целью подобного рассмотрения и должно стать формирование иных представлений о структуре научного познания, его теоретическое оформление.

Говоря о процессах, направленных на включение в проблемное познавательное поле различных когнитивных практик, необходимо уточнить, что подобное включение носит сегодня достаточно пространный характер. Данное обстоятельство выражается в том, что в настоящий момент можно выделить два общих направления в научно-философском осмыслиении познавательных практик, а именно: рассмотрение не классических, но философски обоснованных направлений в познании и анализ познавательного потенциала внеучастных практик, таких как вера, искусство, игра, миф, магия. Последнее направление исходит из достаточно обоснованного сегодня утверждения, согласно которому за пределы компетенции науки выходят ее основания.

Таким образом, на сегодняшний момент существует уверенность в том, что различные по своим формам и содержанию познавательные практики, пройдя свое преломление через общую парадигму научности, в конечном счете сумеют избежать крайностей эклектичности и приобретут гомогенность в своей цели, а именно – в получении истинного знания о мире.

Обозначенные выше тенденции имеют своим следствием ряд значительных изменений в понимании и трактовке основных категорий научно-познавательной деятельности, среди которых ключевое положение начинают занимать категории «рациональность» и «субъект познания». Подобное положение объясняется в первую очередь неизбежностью рассмотрения рациональности в ее соотнесенности с многообразием познавательных практик и, как следствие этого, необходимости расширения поля рациональности как фундаментального основания научного познания. Другим существенным моментом является усиление интереса к проблеме субъекта познания, самому индивиду. Это объясняется, с одной стороны, тем, что классическое соотношение субъект-объект познания постепенно утрачивает свои

абсолютные позиции, по крайней мере в ряде ведущих познавательных практик, ориентированных на социально-гуманитарное знание, а с другой стороны, тем, что обращение особого внимания, направленного на субъекта познания и, соответственно, на субъективность, приобретает определяющее значение в видении дальнейших путей развития теории познания. В этом отношении «исчезают» всякие гарантии того, что субъект в конечном счете не уступит свое место более «широкой» и «живой» личности или некоему модернизированному концепту микрокосма. Таким образом, одним из возможных способов преодоления подобного исключения познающей личности из научной познавательной парадигмы является обращение к социально-гуманитарным областям знания и их философскому осмыслению, когда *cogito*, расцениваемое как непосредственно человеческое, интерпретируется не как внеисторическое, а как для-щееся во времени.

В целом, говоря о современных тенденциях в области переосмысления классической теории познания, следует указать на то, что необходимость изменения подходов традиционной гносеологии, которая формировалась на отвлечении от личностных, культурно-исторических «параметров», рассматриваемых как проявление психологизма либо социологизма, нуждается в переориентации на самого человека. Обозначенная необходимость включения «живого» познающего человека, «утерянного» в классической теории познания, формирует, таким образом, потребность в научно-философском анализе познавательных практик, преодолевающих традиционные теоретико-абстрактные подходы к познающему субъекту.

Важной задачей на пути переосмысления классической теории познания признается сегодня необходимость включения в научную картину мира, в познавательное поле науки исключенного из него ранее

«живого» познающего субъекта. В рамках указанной задачи серьезные усилия методологов и философов науки направляются на рассмотрения таких проблемных позиций в познавательном процессе, как: ценностные установки познающего субъекта, социокультурная детерминация научного познания, рациональность научного познания, эвристический потенциал внеучастных форм познания и, как следствие этого, рассмотрение познавательных возможностей субъекта в «широком» смысле, преодолевающем рамки классического познания. В конечном счете научному и философскому анализу и переосмыслению подвергаются сегодня такие фундаментальные категории, как: философские основания науки, научная картина мира, субъект и объект познания, классические философские учения об истине.

ЛИТЕРАТУРА

- Лебедев С. А. Современная философия науки : монография. М. : Проспект, 2023. 312 с.
- Бляхер Е. Д., Волынская Л. М. Картина мира и механизмы познания. Душанбе : Ирфон, 1976. 151 с.
- Микешина Л. А. Философия науки. Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования. М. : Прогресс-Традиция : МПСИ Флинта, 2005. 464 с.
- Дышлевый П. С., Яценко Л. В. Регуляция творческой деятельности. Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1986. 210 с.
- Степин В. С. История и философия науки. 6-е изд. М. : Академ. проект, 2024. 487 с.
- Степин В. С. Теоретическое знание. М. : Прогресс-Традиция, 2003. 744 с.
- Кузнецова Л. Ф. Картина мира и ее функции в научном познании. Минск : Университет. изд-во, 1984. 142 с.
- Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М. : Прогресс, 1987. 368 с.

Voronezh State Pedagogical University

Borsyakov Yu. I., Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Economics and Social and Humanitarian Disciplines

E-mail: bui965@yandex.ru

Воронежский государственный педагогический университет

Борсяков Ю. И., доктор философских наук, профессор кафедры философии, экономики и социально-гуманитарных дисциплин

E-mail: bui965@yandex.ru